

— Нет, нет, нет! — Тань Чжифэн не хотел впутывать в это ещё и Чжань Чжао и поспешно замахал руками. — Абсолютно ничего подобного!

— Чэнь Цзыцзинь! Что ты опять задумал?! — не успел Чэнь Цин продолжить допрос, как за его спиной раздался гневный голос Сюй Ганя. Ему ничего не оставалось, как с досадой взмахнуть рукавом, вернуться к столу, взять чарку и залпом выпить, отчего он стал выглядеть ещё более удручённым.

Сюй Гань испытующе посмотрел на Тань Чжифэна, тот в ответ покачал головой, давая понять, что всё в порядке. Они вместе вернулись за стол. Тань Чжифэн огляделся и увидел, что большинство тарелок с мясом уже пусты, а поданные позже замороженный тофу и капуста сун тоже были съедены дочиста.

— Давайте сварим лапшу! Бульон как раз подходящий! — предложил кто-то.

Тань Чжифэн поспешно ответил:

— Уже всё готово. Чжочжо, принеси, пожалуйста, с кухни.

Чжочжо откликнулась, сбегала на кухню за лапшой и опустила её в несколько медных треножников. Каждый налил себе по полной миске и с удовольствием принялся есть. После последних нескольких чарок вина все немного опьянели. Ли Вэймин и Шуанлянь обнимались и плакали, а Чжан Лун и Чжао Ху невнятно бормотали что-то бессвязное.

Чжань Чжао, который весь вечер почти не разговаривал, виновато улыбнулся Тань Чжифэну, велел ещё трезвым Ван Чао и Ма Ханю поднять их и, подойдя к Тань Чжифэну, сказал:

— Чжифэн, приближается конец года, в это время в Кайфыне обычно свирепствуют разбойники, будь здесь осторожен.

Этот обычный разговор увидел Чэнь Цин, пьяный на семь-восемь десятых. Ему показалось, что каждое движение Чжань Чжао было полно скрытого смысла, а Тань Чжифэн относился к Чжань Чжао гораздо дружелюбнее, чем к нему. Он тоже хотел подойти и сказать Тань Чжифэну ещё несколько слов, но под строгим взглядом Сюй Ганя ему оставалось лишь вздохнуть и продолжать наливать вино из бутылки в свою чарку.

Чжоу Яньцин, Люй Ян, а также Ли Вэймин и Шуанлянь встали, чтобы попрощаться. Остался только Вэньхуэй, который, покачивая чаркой, сказал:

— Увы, «годы жизни ограничены, а расставания так легко ранят душу!» Хозяин, не хочешь ли, чтобы смиренный монах остался и растолковал тебе буддийские сутры?

— Наставник... — Тань Чжифэн не знал, смеяться ему или плакать. — Вам лучше вернуться в свой храм Тяньцин. У меня здесь очень тесно, я не могу принять такого почётного гостя.

— Чего боишься, потеснимся, — Вэньхуэй с чаркой подошёл ближе и подмигнул Тань Чжифэну.

Чжочжо, которой приглянулся красивый Вэньхуэй, захлопала в ладоши:

— Наставник, буддийские сутры я слушать не буду, но вы ведь странствуете по свету, может, расскажете нам какие-нибудь диковинные истории?

— В другой раз, в другой раз, — Тань Чжифэн отцепил руку Чжочжо от монашеского одеяния

Вэньхуэя. — Наставник, в другой раз мы обязательно придём к вам в храм за наставлениями. Сегодня уже поздно, давайте все отдыхать.

Он намеренно сделал ударение на слове «все». Не успел он договорить, как увидел, что Сюй Гань, ведя за руку Лин-эра, подошёл к ним. Только тогда Тань Чжифэн понял, почему Сюй Гань был так вежлив с Вэньхуэем. Он вдруг вспомнил, что Чжань Чжао как-то говорил, что при случае можно показать Лин-эра одному высокочтимому монаху, чтобы узнать, есть ли шанс вылечить его глаза.

Сюй Гань ещё не успел ничего сказать, как Вэньхуэй встал и с серьёзным видом подошёл. Он поднял свою тонкую, как у женщины, руку и положил её на лоб Лин-эра, медленно опуская вниз.

— Маленький даритель, что ты видишь? — мягко спросил Вэньхуэй. — Расскажи мне.

Чанчан беспокойно держала Лин-эра за руку. Лин-эр, широко раскрыв свои круглые глаза, тихо сказал:

— Я... я вижу... каких-то людей на лошадях... — его взгляд стал немного растерянным. — Много белых голубей взлетает...

— Хорошо, — Вэньхуэй убрал руку и повернулся к Сюй Ганю. — Не волнуйтесь, с глазами ребёнка ничего серьёзного. Просто необычайная божественная сила давит на одну из его душ, из-за чего он временно не может видеть.

Сюй Гань поблагодарил его и спросил:

— Тогда что стало причиной этого? И можно ли это вылечить?

Вэньхуэй снова загадочно улыбнулся:

— На первый вопрос я не могу тебе ответить. Но могу сказать, что этот ребёнок от природы одарён. Подавлена его душа фуши. Но нет худа без добра: он не может видеть мирские вещи, но зато может немного заглядывать в будущее. А использовать эту способность или нет, и как её использовать — это уже решать тебе и ему.

Тань Чжифэн, стоя рядом, внимательно слушал. Всё было так, как он и предполагал. Лин-эр изначально был связан с Сюй Ганем кровными узами, но теперь, когда тело Сюй Ганя заняла душа Дракона, она взаимодействовала с ци и кровью в теле Лин-эра. К тому же, Лин-эр был ещё мал и постоянно находился рядом с Сюй Ганем, поэтому неизбежно подвергался влиянию могущественной души Дракона, и одна из его семи душ была временно подавлена.

Тань Чжифэн вздохнул с облегчением. Он подумал, что если Сюй Гань сможет уйти от него, или... или однажды душа Дракона покинет Сюй Ганя... тогда глаза Лин-эра, естественно, восстановятся.

Но этот Вэньхуэй так много знает... сколько же он догадался об их с Сюй Ганем происхождении? Тань Чжифэн с тревогой снова взглянул на Вэньхуэя. Тот же по-прежнему нежно гладил Лин-эра по лбу, затем выпрямился и с большим разочарованием вздохнул:

— Эх, я хотел остаться и провести с тобой, хозяин Тань, ночь в беседах при свечах, но, к сожалению, ты мне не рад. Придётся мне прийти в другой раз!

— Хе-хе, добро пожаловать, всегда вам рады! — радостно замахала рукой Чжочжо. Сюй Гань и даже И-и почтительно поклонились ему на прощание. Тань Чжифэн тоже поспешно поклонился, чем вызвал у Вэньхуэя смешок, прикрытый ладонью: — Ладно, берегите себя, хозяин.

В этот момент снаружи раздался ночной звон колокола. Вэньхуэй поправил одеяние, откинул занавеску и, стоя в дверях, посмотрел вверх, глубоко вздохнув. Затем он повернулся к Сюй Ганю и Тань Чжифэну и вздохнул:

— «С тех пор как расстались, столько всего произошло, разговор окончен под вечерний звон колокола». Я ухожу, до новых встреч.

Все снова поклонились. Вэньхуэй шёл всё быстрее, его тёмно-зелёное одеяние развевалось на холодном ветру, и в мгновение ока он исчез в узком переулке. Чжочжо не удержалась от восклицания:

— Этот наставник, он такой... э-э... как бы это сказать, выдающийся!

И-и, вопреки своему обыкновению, не стал насмеяться над Чжочжо, а повернулся и начал убирать остатки пиршества. Сюй Гань, увидев, что Тань Чжифэн тоже собирается помочь с посудой, сказал ему:

— Оставь. Лин-эр хочет спать, я сначала отведу его, а когда он уснёт, я всё сделаю.

Сказав это, он похлопал по плечу Лин-эра, который, надув губы, дремал у него на плече, открыл заднюю дверь и ушёл в соседнюю комнату.

Тань Чжифэн тут же воспользовался моментом и хлопнул в ладоши:

— Хватит работать, совещание, сначала совещание.

— Опять совещание, какое ещё совещание! — Чжочжо без энтузиазма придвинула стул и села. — Что у тебя опять за приступ?

— У меня нет приступа, я хочу спросить вас, что вы думаете об этом наставнике Вэньхуэе... — Тань Чжифэн подбирал слова. — Кто он вообще такой?

— Просветлённый монах, кто же ещё? — услышав имя Вэньхуэя, Чжочжо оживилась. — Ай-я, какой молодой и красивый, с осанкой бессмертного! Тань Чжифэн, по-моему, ты ему тоже немного нравишься. Может, ты пожертвуешь собой и согласишься, а в благодарность он нас просветит?

— Хм, хорошо, если он тебя не разоблачит! Чему ты хочешь, чтобы он тебя просветил? — тихо прорычал И-и, но тут же осёкся и сказал Тань Чжифэну: — Хотя он и странный, но я думаю... — И-и сделал паузу. — ...в нём нет такой губительной ци, как у Бо. Он не должен быть злым. А кто он — человек, демон или бессмертный, я совсем не чувствую.

Чанчан поддакнул:

— Да, он не такой уж плохой, он очень хороший, и... и дал мне вот такой хрустальный пирожок, сказал, что из императорского дворца!

— Ого! Из императорского дворца, дай попробовать... — с любопытством подошла Чжочжо.

— Нет, у меня у самого только один...

Тань Чжифэн увидел, что совещание не дало никаких результатов. Чанчан и Чжочжо бегали друг за другом по комнате. Ему оставалось лишь вздохнуть и выйти. Он подошёл к двери соседнего дворика, собираясь вернуться в свою комнату, чтобы немного побыть в тишине.

Вечернее веселье, казалось, высосало из него все силы, и он почувствовал себя немного уставшим.

— Иди, посиди с братом немного, — он стоял на ступенях в задумчивости, когда дверь вдруг открылась, и на пороге появился Сюй Гань. В руках у него было тёплое одеяло, которое он накинул на плечи Тань Чжифэну.

От тепла на плечах Тань Чжифэну стало немного легче на душе. Он пошёл за Сюй Ганем, и они вместе сели у входа в дом.

Вокруг воцарилась тишина. Вспоминая события последних двух дней, Тань Чжифэн почувствовал ещё большее беспокойство. Возможно, это была его привычка, а может быть, из-за услышанного разговора, из-за неотступной тени Бо, и даже из-за слов Чжань Чжао на прощание и разговоров о войне на северо-западе. Одна волна не успела утихнуть, как, неужели, надвигается новая?

Тань Чжифэн поднял глаза на профиль Сюй Ганя в лунном свете. Лёгкие тени облаков скользили по его лицу, и Тань Чжифэн не мог разглядеть его выражения, чувствуя лишь тепло его тела, прижавшегося к нему.

Сюй Гань, казалось, почувствовал взгляд Тань Чжифэна, тоже повернул голову и улыбнулся ему, крепче обняв за плечи. Его черты в ночной темноте казались особенно глубокими и мужественными, а холод, обычно лежавший на его лице, словно растаял в мягком лунном свете.

— Хочешь что-то сказать? Говори, — Сюй Гань, казалось, увидел колебание в глазах Тань Чжифэна и спокойно произнёс.

В голове у Тань Чжифэна было множество вопросов, но сейчас, немного подумав, он осторожно спросил:

— Как ты думаешь... на северо-западе снова будет война?

Сюй Гань поднял голову к ночному небу и через мгновение ответил:

— Будет.

Сказав это, он повернулся к Тань Чжифэну и спросил:

— Ты боишься?

Тань Чжифэн кивнул, потом покачал головой:

— Я... я не то чтобы сильно боюсь...

Тань Чжифэн тоже повернулся к Сюй Ганю и сказал:

— ...Даже если, даже если пламя войны не сразу дойдёт до Кайфына, но когда начинается

война, гибнут люди. Эти люди, даже если мы их не знаем, у них тоже есть друзья, любимые, родители, братья... Увы, люди умирают, а их семьи должны продолжать жить. Родители теряют сыновей, женщины — мужей, дети — отцов... Если самый важный человек в твоей жизни навсегда останется похороненным на холодном севере и никогда не вернётся... думать об этом... очень грустно.

<http://bllate.org/book/14942/1323842>